

В.А.КРУТЕЦКИЙ В КРУГУ СЕМЬИ

Е. В. Левченко-Крутецкая (г. Москва)

Мой отец, Вадим Андреевич Крутецкий, был интересным человеком, настоящим ученым, сутками пропадавшим на работе, засиживающимся ночами. Он болел душой за свое дело, остро переживал все рабочие неприятности, непризнание психологии. Он горел и жил этой наукой. И оставил огромное наследство: более 130 публикаций, разработок, учебных пособий, но самое главное, он сумел воспитать таких же настоящих ученых, в которых вложил всю свою душу, весь талант ученого-психолога и интеллигента, все свое человеколюбие и гуманизм. Сегодня его последователи продолжают начинания моего отца, развивая его идеи и применяя их на практике. Они и охарактеризуют папу как исследователя, ученого, педагога, психолога, практика, дадут оценку его научной деятельности и вкладу в психологию.

А я хочу рассказать о нем именно как о папе, как о самом родном, дорогом, любимом и незабываемом человеке. Потому что все самое лучшее в жизни, все воспоминания детства связаны с папой. Папа со мной гулял, играл, баловал... Неприятные моменты связаны с мамой – врачи: я в детстве болела много, а с папой все только приятное... не могу выразить... что-то экстраординарное, запоминающееся. Как говорит мама, в детстве первое слово, которое я произнесла – это слово «папа». Есть – только папа меня кормит, гулять – тоже только папа.

Папа очень много читал. И меня приучил. У него были своеобразные вкусы. Он считал, что человек не может вырасти, не прочитав «Голубую чашку» Гайдара. Это произведение, которое я помню до сих пор, и знают и помнят мои дети.

Дома у нас была большая книга К.Чуковского «От 2 до 5». А папа вел свой собственный дневник. Это была толстая тетрадь, в которой он подробно, каждый день записывал, как я росла, потом мой старший сын,

потом младший. Все изречения, поступки, шалости, маленькие и большие достижения папа записывал от руки. Меня он любил безумно, а я его обожала. В дневнике есть запись: «Вот придет папа, обнимет меня и скажет: «Лялочка моя любимая!»»

Он часто брал меня с собой в институт, водил в зоопарк и театр. Ведь папа был истовым, заядлым театралом, и в театр я попала очень рано.

Помню, когда Костя был маленьким, он что-то сказал, все засмеялись, а папа – «Запиши». Сначала папа эту тетрадь даже художественно оформлял. Когда я родилась, он приклеил календарный листок и больничную выписку, а первые слова обо мне – это мамина записка из роддома. Потом пошли фотографии, а рядом – что в этом возрасте я говорила, что делала, какие мысли, какие ассоциации. И про ребят так же. Сейчас у нас стало семейной традицией доставать с мальчишками этот дневник и читать, что сказал Костя, что Олег.

Папа всегда был очень скромным. Он не умел и не желал ощущать себя каким-то Мэтром, какой-то величиной. Во всяком случае, дома у нас это никак не культивировалось, не афишировалось, мы иронически относились к званию «профессор». Однажды произошла такая смешная история. У нас была хорошая соседка. Вот зашла она и рассказывает, что видела папу, гулявшего вечером, перед сном, с собачкой (Это была папина обязанность): «Вера Андреевна, видела Вадима Андреевича, гулял с вашим Тяпой, такой он у вас импозантный, совсем как профессор!»

Папа ужасно не любил срезанные цветы, говорил, что это трупы цветов, а трупы дарить нельзя. Конечно, он брал цветы – это интеллигентность, но тут же отдавал кому-нибудь. То были 70-е годы, когда не дарили подарков, только цветы и все. И все прекрасно понимали, что он никого не обидит, не взяв цветов, но я с детства, вслед за папой, терпеть не могу, когда мне дарят цветы. Его фразу: «Нельзя цветы ставить на стол, дарить любимой женщине и с трупом встречать праздник» я выучила буквально с младенческого возраста.

Папа очень любил, умел любить, и уважал людей. В нашем доме всегда собирались его сотрудники и аспиранты, они делились с папой своими мыслями, заботами, проблемами, постепенно становились совсем родными. Папа им всегда помогал: если кто-то заболел, писал письма в больницу, договаривался с врачами, добился строительства кооперативного дома для сотрудников института, т. к. многие были без жилья.

Скромным и непритязательным он был во всем, любил простую неброскую одежду, простую пищу, просто, невычурно, понятно говорить.

Я могу рассказывать о папе долго, бесконечно долго.

Но в заключение хочу сказать, что папа всегда безоговорочно верил в то, что психология безо всякого сомнения рано или поздно будет принята в России, займет свое достойное место в науке, найдет множество сторонников, пополнится замечательными открытиями, продолжится в учениках и его дело не пропадет, а будет служить людям.